

Г. Елисеев, О. Елисеева

Ответственный класс в России

Каждая культура вырабатывает свои формы взаимодействия между различными слоями общества, а также между обществом и государственной властью. Еще недавно советский человек был привычен к тому, чтобы *все за все отвечали* и одновременно – чтобы *кто-то отвечал за всех* (хотя бы формально). Так казалось психологически комфортнее, уютнее, чем в мире, открытом ветрам и неконтролируемым переменам. Без защиты, с одной стороны, и без личной ответственности – с другой, нынешний житель России не чувствует себя уверенно и благополучно. Хотя уже полтора десятилетия как должен был бы привыкнуть, *что никому до него дела нет*.

Ощущение брошенности раздражает людей. Причем не только в повседневных, бытовых ситуациях, но глобально, на цивилизационном уровне. Поиск “ответственных” – любимая русская национальная игра. У нее много форм: от снятия с себя всяких обязательств (“кто виноват?” – явно не тот, кто спрашивает) до принятия полной ответственности за дело и его решение (“кто, если не я?”).

Веками ответственность в России распределялась неравномерно. Одни слои общества брали на себя больше обязательств перед верховной властью и получали от нее привилегии, другие выполняли тяжелую работу, несли малую ответственность и привилегий не имели... Заметим,

речь не о том, как *должно быть*, а о том, как *было*. Однако нельзя упускать из виду одно важное обстоятельство: вместе с земельными пожалованиями, правами и дарами социальные группы сословного общества брали и долю ответственности за страну. Каждый слой – свою. Например, сибирские купцы помимо реализации собственных торговых интересов отвечали за освоение новых земель. Монастыри в Поволжье занимались хозяйственной и проповеднической деятельностью. Казаки на окраинах государства защищали границы. (Это – в идеале. В реальности бывало по-разному.)

Общество старой России походило на слоеный пирог: десятки особых групп населения, каждая из которых на определенных условиях взаимодействовала с государством, была ему чем-то обязана и что-то получала взамен. Эта исключительно сложная система не была застывшей, а постоянно изменялась. Стоило одной из сторон по каким-то причинам не исполнить взятые на себя обязательства – возникал конфликт, иногда вооруженный, вроде казачьих восстаний или городских бунтов XVII века. Если обманутыми оказывались чаяния многих слоев, могла развиться гражданская война (вроде Смуты, восстаний Разина или Пугачева), и тогда выигрывала та сторона, за которую выступал наиболее ответственный слой. Веками таким слоем в России

было дворянство – образованный класс с родовыми навыками управления и ведения войны, со своей социальной психологией, представлениями о службе, чести, благе страны.

Было бы неверно думать, будто государственный аппарат, каким бы простым (князь и дружина) или разветвленным (система высших, центральных и местных учреждений) он ни был, сам по себе способен управлять страной, сопрягать усилия всех слоев общества, поддерживать жизнь и порядок. Любой механизм нуждается в том, чтобы кто-то приводил его в движение, и этот кто-то – не только высшее лицо в государстве, но и тысячи, тысячи способных к управлению, образованных, ответственных людей, являющихся кровью в жилах государственного организма.

Однако все население не может нести всю полноту ответственности за судьбу страны. Мешают недостаток образования, удаленность от власти, реализация интересов в иных экономических и социальных сферах. Например, крестьяне, долгое время составлявшие основную часть населения России, на протяжении почти всей своей истории оставались организуемыми, а не организаторами. Лишь в критические моменты, такие как Смута или Отечественная война, происходила мобилизация всех сословий, но и тогда выделялся некий слой, который брал на себя управленческую функцию.

Было бы заблуждением думать, будто сегодня ответственность распределяется в обществе поровну. Даже при представительной власти, например, умэра в сот-

ни раз больше возможностей решать насущные вопросы, чем у пенсионера, который не в силах проконтролировать даже работу тех, за кого он голосовал на выборах. И дело не только в пропускной способности правовых механизмов (их, конечно, надо отлаживать), но и в социальном устройстве. Ответственный класс – это управляющий класс. Подчеркнем: не отдельные люди, а именно социальная группа.

ЧЕРЕЗ СМУТУ И РАСКОЛ история российского ответственного класса доимперских времен

Когда же дворянство стало ответственным словом? И когда осознало себя им?

Дворянство, сложившееся в удельный период, начало брать на себя ответственность за происходящее в государстве еще в эпоху Московского царства.

Долгое время после удельного периода на Руси существовало общество, гораздо менее дифференцированное по вертикали, чем принято считать. Имелся огромный служилый класс, который воспринимал себя как класс ответственный. В него входила даже верхушка крестьянства – выборные люди, решавшие вопросы жизни отдельной общины. Они уже мыслили себя ответственными за судьбу своего мира, а через него – за общую судьбу государства. В этой структуре *государь* был отдельной системообразующей единицей. Другой важнейшей системообразующей фигурой был сначала митрополит Московский и всея Руси, потом *патриарх*. Падение влияния патриарха произошло только во второй половине XVII века, после раскола – этого драматичнейшего события, которое во многом погубило старое Московское царство, лишив его моральной основы.

Ступенькой ниже монарха в государственной системе стояло *боярство* – наследие домонгольской Руси и Руси удельной, когда существовали обособленные княжества. В соседних государствах – великом княжестве Литовском и Польше – из аналогичных групп наследственной знати выросли магнатские ассоциации. В России же этот цивилизационный осколок

сформировался в боярскую аристократию. Любопытно, но как раз у этого сословия особой ответственности за судьбу страны не сложилось. Его представители свободно переезжали из Литвы на Русь, в Польшу и обратно, не особенно тяготаясь потерей господина, если полученные на новом месте земли были адекватны оставленным.

Духовенство тоже воспринимало себя как часть ответственного служилого класса. На *купечестве* и на *казачестве*, как мы уже отмечали, лежали заботы по колонизации новых земель. Строгановы, например, создали, по сути, целое государство на Урале, но не присвоили его себе, а сделали частью тогдашней Руси, прекрасно понимая, что без помощи царя Московского они не выживут и не обогатятся. Такие купеческие роды являлись и ощущали себя устроителями Русской Земли.

Значимыми частями ответственного класса были служилое *дворянство*, а также *дьячество*. Дьячество впоследствии стало частью административного слоя и слилось с дворянством, но в Московской Руси это отдельная социальная группа, которая тоже несла свою долю ответственности.

Важно подчеркнуть, что все многослойное служилое сословие воспринимало Русь, русское государство как некое *общее дело*, а себя – как единый ответственный класс. Этот класс определял себя по отношению к государю как символу государственной власти и к Руси как к социальному организму, которому каждый служит на своем уровне.

Это мироощущение ясно проявилось во время Смуты начала XVII в. Боярство оказалось никуда не годным, напрочь лишенным государственного чутья, легко переходило то к одному, то к другому самозванцу, искало покровительства и у шведов, и у поляков. Бояре пеклись лишь о том, чтобы не потерять (или приобрести) собственные земельные владения, а не о стране в целом. Ожившие удельные представления потянули страну назад, в пучину раздробленности.

И боярская аристократия, и старые княжеские роды, и торговые города-республики ощущались обществом Московской Руси как что-то

инородное, чужое. По прошествии веков мы видим, что Иван III и Иван IV боролись с остатками других “цивилизаций”, существовавших на Руси до формирования царства. Именно поэтому жестокость, с которой действовал Иван Грозный, да подчас и его знаменитый дед Иван Великий, не вызывали сильного ропота в народе.

А вот в дворянском ополчении времен Смуты были задействованы представители самых разных служилых слоев. Они выступили активным фронтом – как люди, имеющие представление о духовном и государственном единстве Руси. Например, иноки, обороняющие Троице-Сергиев монастырь, переписывались с представителями ополчений, формирующихся в Нижнем Новгороде и Ярославле, то есть и те, и другие осознавали, что они ведут совместную борьбу за общерусское дело.

Громадный служилый класс начинает постепенно складываться с момента централизации Руси, и к началу царствования Ивана III он уже существует. Недаром именно этому государю удалось объединить страну и избавиться в 1480 г. от монгольского ига.

Как формировалась идея ответственности? Сначала возникала личная преданность конкретному государю: варяжскому конунгу, кагану русскому, местному удельному князю. Впоследствии, при создании централизованного Московского государства, ее место заняла преданность великому князю Московскому как символу общегосударственного единства. Отдельные люди, например татарские князья, присягали государю как таковому. Но уже их потомки начинали воспринимать государя именно как символ русской земли – земли, на которой они живут, земли, с которой у них общая судьба, а самое главное – земли, которая приняла конкретную версию христианства – православие.

Перед чем или кем отвечал тогдашний житель нашей страны? Кажется почти непостижимым, что в столь давние времена уже существовала идея ответственности не только перед государем, но и перед Русью как таковой. Она ясно читается, например, в многочисленных сказаниях о Смуте. То, что в конце XVIII – XIX вв.

было либеральной фразой – “я служу не государю как человеку, а государю как принципу, олицетворению России”, – в эпоху Московской Руси было реальным фактором общественного самосознания. Единство Руси определялось православием, духовно скреплявшим народ, и самодержавием, объединявшим его в некое государственное целое. Этому мировосприятию раскол нанес жесточайший удар.

Решение исправить церковные книги и несколько изменить обряд, подогнав его к греческому образцу, большинством населения было воспринято как несправедливость. На глазах у жителей Московского царства сдвигались незыблемые, казалось, основы мира – религиозные. Им предлагался “неправильный” государь и “неправильное” православие. Ответом на происходящее были панические рассуждения: “Мы больше никак не объединены, нет никаких духовных скреп, мы не народ, мы ни за что не отвечаем, ни о чем не печемся”. И более того – становится как бы не перед кем отвечать. Государь отступил от истинной веры. Стало быть, он антихрист, предатель. Желание всё сломать, уйти в бега, запретиться, сжечься охватывает не только простой народ, но и образованные слои.

Именно с периода раскола духовенство выходит из состава ответственного класса. Потому что его представители, в наибольшей степени проникнутые чувством ответственности, не приняли новых обрядов. Они не могли допустить, чтобы православие, которое объединяло Русь, оказалось “неверным”, “искаженным”. Большинство искренних, неконформистски настроенных людей, которых волновала судьба страны и веры, ушли “в оппозицию”. В тот трудный момент согласятся с переменами не столько идейные сторонники исправлений церковных книг по греческим образцам, сколько те, кому, в сущности, все равно. Те, кто внутренне будет готов позднее принять синодальную реформу и прочие изменения церковной жизни XVIII века. Отныне церковь заметно самоустраивается от ответственности за государство.

Другим отколовшимся от старого ответственного класса слоем было казачество. Оно

в массе осталось старообрядческим и превратилось во взрывоопасный материал для разного рода волнений. Лишь в последней четверти XVIII века, после восстания Пугачева, Екатерине II с огромным трудом удалось вновь встроить казачество в государственную систему, наделив его рядом привилегий и вытребовав взамен службу по охране границ. Только война 1812 года показала, что казачество лояльно. Причем часть этого сословия оставалась старообрядческой. Впрочем, благодаря единоверчеству – движению, при котором староверам разрешалось служить по старопечатным книгам, а они взамен принимали к себе рукоположенных священников и подчинялись Синоду, – в отношениях с казаками наступил перелом. Например, донское казачество почти полностью стало православным. Шел процесс вытеснения старообрядчества на Урале и в Сибири.

Та же ситуация сложилась после раскола с купечеством, многие представители которого остались старообрядцами. Крупные торговые и промышленные династии, строившие свое благосостояние на развитии регионов Урала и Сибири, больше не были связаны с остальным государством единством веры. И не несли за него даже малой толики ответственности. Только интерес, выгода заставляли этих людей взаимодействовать с властью и жителями центральных российских земель. Их отношение к стране стало отстраненным: “Здесь власть антихристова, здесь никому помогать нельзя, мы не отвечаем за антихристово государство”.

“ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО” (ответственный класс времен империи)

На престол вззошел Петр I, который был вынужден начинать реформы в ситуации раскола, духовного кризиса. Ему предстояло выстраивать новый ответственный класс на идее личной преданности государю.

Часто можно встретить утверждение, что именно Петр I пропахал глубокую колею, разделившую Московское царство и Российскую империю, но при этом редко упоминается, что Петр пришел уже на пепелище. Внешне мир пока не изменился, но внутренняя наполненность эпо-

хи изменилась значительно, исчез дух прежнего времени. Целостность Руси после раскола сохранилась, но при этом фактически шла тихотелющая, то вспыхивающая, то затихающая гражданская война.

Петр нашел путь выхода из кризиса. Благодаря реформам удалось создать совершенно новую государственную машину и начать широкомасштабную модернизацию страны. И главное – стране удалось избежать участи колонии, она не стала добычей более сильных европейских держав. Ведь известно, что во времена Смуты английский парламент обсуждал вопрос о захвате Архангельска и контроле над территориями, обеспечивающими торговый путь по Волге. Швеция владела Финляндией и несколько раз предпринимала попытки захватить польские и русские земли в виде колоний. Поляки и сами претендовали на Смоленские земли, считая, что Россия должна стать для Польши тем, чем для Англии стал Новый Свет. Военные возможности Речи Посполитой не позволяли осуществить подобные планы, но эти планы свидетельствуют о господствовавших тогда настроениях.

Петровская модернизация превратила Россию из потенциальной колонии в метрополию. Но цена реформ была очень высокой. Предлагавшиеся пути выхода из кризиса подразумевали полную перестройку ответственного класса. Составлявший его слой резко сузился. Теперь в него входили только землевладельцы, наделяемые имениями за службу.

Верхи крестьянства перестали ощущать себя частью ответственного класса, параллельно с этим шел процесс закрепощения крестьян и лишения их прежних прав. Не владея собственностью и не распоряжаясь своей судьбой, частновладельческие (крепостные) крестьяне становились, как выразился А.Н. Радищев, “мертвы в законе”.

Что до городских слоев, то они сложили с себя ответственность еще в период раскола. Вспом-

ним, например, что когда во время восстания Степана Разина войска казаков подступали к поволжским городам, городские жители открывали им ворота. Никакой ответственности перед государем они не ощущали. Когда распалась духовная связь с высшей властью, исчезло и чувство ответственности.

Из общей картины выбиваются стрельцы. Это тоже значительная часть служилого класса. Они не дворяне, а скорее мещане, но вооруженные служилые мещане. Их бунты начала петровского царствования – это тоже, как ни странно, проявление ответственности за страну, которая “повернула не туда”. У стрельцов был реальный шанс стать ответственным классом, альтернативным дворянству, или составить его часть. Недаром стрельцкие бунты так напоминают гвардей-

ские перевороты – в их основе лежит своеобразно понятая ответственность. Не вступив это сословие в противоборство с Петром I, и его верхушка могла бы влиться в состав дворянства. Частично так и произошло с теми стрельцкими головами, которые поддержали молодого царя. Однако слой в целом был уничтожен.

Итак, служилый класс из широчайшего слоя превратился в очень небольшую про-

слойку. В нее теперь входят знать, дьячество, которое после коллегиальной реформы превращается в государственную бюрократию, и, естественно, военные – то есть большая часть дворянства.

И именно в таком виде привилегированный класс на всем протяжении существования империи будет нести ответственность за дальнейшую судьбу страны. Он взял ее на себя в тяжелый момент Северной войны. Дворянские дети на двадцать с лишним лет покидали дом, служили в исключительно тяжелых условиях и возвращались под родной кров, к расстроеным имениям искалеченными пожилыми людьми.

Одновременно изменяется система образования в дворянских семьях – оно все больше

Петр нашел путь выхода из кризиса. Благодаря реформам удалось создать совершенно новую государственную машину и начать широкомасштабную модернизацию страны

соответствует европейскому образцу, становится гораздо более широким, чем раньше. Отпрыски благородного сословия приучались осознавать себя европейцами в европеизирующейся стране – теми, у кого остальные сословия обязаны перенять новый стиль жизни, новую ментальность.

Новое самосознание касалось не только причастности к европейскому образу жизни. Поскольку для того времени была характерна персонификация земли, страны, народа, православия в особе государя, то и понятие службы было адресным. Никто не служил вообще, некой абстрактной идее – служили императору. Причем конкретному. И тут сложилась довольно неприятная для власти ситуация: какому-то государю дворянство служить хочет – а какому-то отказывается... Эта “разборчивость” особенно характерна для эпохи дворцовых переворотов, последовавшей за смертью Петра I и закончившейся со смертью Павла I. Именно в тот момент часть европеизирующегося дворянства, сосредоточенная в гвардейских полках, осознает свою силу и начинает на деле проявлять ответственность за державу. Дворцовые перевороты, которые сегодня многие историки трактуют как проявление полной безответственности, в действительности происходили из-за нежелания дворянства вручать корону и скипетр “кому попало”. В случае с устранением так называемого Брауншвейгского семейства (Анны Леопольдовны и малолетнего Ивана Антоновича), с убийствами Петра III и Павла I срабатывал один и тот же психологический механизм: широкие слои среднего дворянства считали взшедшего на трон монарха предателем национальных интересов, полагали, что нужно действовать, и их “представители” при дворе, гвардейцы, так сказать, восстанавливали справедливость.

Сословное чутье подсказывало дворянам, что блага проистекают непосредственно от носителя верховной власти... Поэтому покушение на полноту императорской власти дворянство воспринимало как покушение на свои кровные интересы, свое кровное дело

При необходимости российское дворянство готово было даже пожертвовать своими привилегиями ради сохранения стабильности и сильной власти монарха.

Вспомним, как, прибыв в Россию в 1731 году, бывшая курляндская герцогиня Анна Иоанновна должна была подписать так называемые кондиции – некоторые исследователи называют их прообразом русской конституции. Вряд ли с таким суждением можно согласиться: это была даже не “Хартия вольности”, а список ограничений для будущей императрицы, решений, которые она не может принимать без одобрения Верховного тайного совета. Например, объявлять войну и заключать мир, жало-

вать чинами выше полковничьих и т. д. Однако в Москве новую монархиню окружила депутация съехавшегося на коронацию среднего дворянства и потребовала отказаться от предложенных ей условий. На первый взгляд, поведение дворян и гвардии кажется странным – они отказываются от права ограничить монарха. Однако если бы планы членов Верховного тайного совета были реализованы, то в России сложилось бы олигархическое правление. Никаких прав и свобод широкие слои дворянства не получили

бы. Власть сосредоточилась бы в руках у восьми – десяти несменяемых членов правительства. Сословное чутье подсказывало дворянам, что блага проистекают непосредственно от носителя верховной власти: он наделяет землями, наградами за службу, раздает чины и ордена, денежные пожалования. Поэтому покушение на полноту императорской власти дворянство воспринимало как покушение на свои кровные интересы, свое кровное дело и видело в подобном развитии событий большое неудобство.

В результате власть императрицы была восстановлена в полном объеме.

Дворцовые перевороты наглядно показывают, как менялось мироощущение ответственного класса, как происходил переход от идеи преданности конкретному монарху к идее верности России, ее интересам. Постепенно, с повышением уровня образования, начинают работать более тонкие структуры классового сознания. В мыслительный обиход вступают абстрактные понятия – такие как “монархия”, “просвещение”, “общество” и т. д. Переворот 1741 года, возведший на престол Елизавету Петровну, сочетал в себе и момент личной преданности “солдатской куме”, дочери Петра Великого (недаром она обратилась к гвардейцам со словами: “Помните ли вы, чья я дочь?”), и жажду видеть величие России. Ведь за образом Петра для людей того времени вставали вполне осязаемые вещи: Полтавская виктория, победа в Северной войне, рост могущества страны и сообразно ему – уважения со стороны соседей. С Петром ассоциировались просвещение и трудный путь в Европу.

В последовавших далее переворотах мотив ответственности за дальнейшую судьбу страны будет только нарастать. Как ни мила была гвардейцам Екатерина II, но сильнее любви к ней была ненависть к ее мужу Петру III.

Здесь мы снова видим, как дворянство действует, казалось бы, в ущерб своим интересам. Ведь за полгода до переворота Петр III дарует благородному сословию право не служить – то самое, которого оно десятилетиями добивалось у прежних императоров. После такого шага можно было быть уверенным в благодарной преданности дворянства – но таковой не последовало. Более того, в тогдашнем обществе существовала оппозиция указу о вольности дворянства. Многие ответственно мыслящие люди, например князь М.М. Щерба-

тов или В.И. Суворов, отец Александра Васильевича, высказывались против разрешения представителям благородного сословия покидать службу. Их страшила мысль, что в таком случае некому будет воевать за отечество и управлять государством.

Ненависть к государю объяснялась не столько его отрицательными личными качествами, сколько неприятием его политических шагов. После выигранной войны с Пруссией он фактически поставил победителей в унижительную зависимость от побежденных. Всем было известно его преклонение перед Фридрихом II, новый прусский посол в Петербурге вел себя как полномочный министр победившей державы. Говорили, что государь втайне держится лютеранства, что хочет вынести иконы из церквей и обрить священников. Подавляющее большинство жителей страны были религиозными людьми, и пренебрежительное отношение Петра III к православию они воспринимали болезненно.

Еще один важный момент – уступленные победы. За годы войны дворянство поиздержалось. Казна Елизаветы Петровны была пуста, жалованья долго не выплачивали. Поэтому сокровенной мечтой каждого офицера и солдата было “ободрать до нитки” Пруссию, которая сделалась русской провинцией. А с Пруссии контрибуции не взяли.

В итоге Петра III начинают считать государем, который ведет страну к гибели и даже потере национальной независимости. Этого представители ответственного слоя, естественно, вынести не могли. Переворот 1762 года – чистый акт заступничества за государство.

ЧИН ЗА СЛУЖБУ ИЛИ СЛУЖБА ЗА ИДЕЮ (система поощрения ответственного класса)

В этой связи нельзя не сказать несколько слов об антагонизме, который существовал между средним дворянством и аристократией. Внутри единого благородного сословия объединялись две противоположные и даже во многом непримиримые группы.

Глядя на тогдашнее дворянство, легко выделить бывшее служилое сословие, состоявшее из помещиков – среднее дворянство, и некие верхи, аристократию, которая окружала престол, то есть была “при дворе”. Причем представители аристократических фамилий далеко не всегда выходили из древних родов. Вспомним, как А.С. Пушкин возмущался чванством современной ему аристократии – людей, часто ведущих свой род от певчих и торговцев блинами, выдвинувшихся при Петре или Елизавете. Сам он, “шестисотлетний дворянин”, чьи предки расписались на грамоте о призвании Романовых на царство, был беден и до пожалования камер-юнкером не мог показываться во дворце. Слой новой аристократии олицетворяется придворными, а эти люди, по убеждению среднего, коренного дворянства, не могут нести ответственности за страну – напротив, они подрывают власть.

Эти две части благородного сословия боролись друг с другом за право предстать царю. Из каких бы чахлах корней ни поднялась новая аристократия и в какие бы глубины мелкопоместности ни опустились прежние знатные роды, их сословная психология определялась не старинными преданиями семьи, а тем местом, которое фамилия занимала теперь.

Здесь следует пояснить, что в России не существовало классической феодальной лестницы, хорошо знакомой читателям по учебнику истории средних веков для шестого класса. Не было и принципа “вассал моего вассала – не мой вассал”. Система была иной. В удельный период дворяне и так называемые дети боярские служили местным князьям. Но как только удельный князь переходил под руку Москвы, те, кто ему служил, переходили на службу московскому государю. Получалось, что их прежний патрон служил теперь наравне с ними, только он был значитель-

но богаче. Тем самым для зарождавшегося дворянства централизация России была способом повысить свой социальный статус. А для отпрысков княжеских семей – наоборот, путь к снижению этого статуса.

Давно отмечено, что централизация произошла по всей Европе, включая Россию, в одно и то же время, однако разница была существенной. Если в западных странах – Англии и Франции – объединение земель фактически инициировала нарождающаяся буржуазия, которой были выгодны уничтожение таможенных барьеров, свободная и безопасная торговля, то в России объединительные усилия московских государей опирались главным образом на дворянство. Служба сильнейшему из князей – великому князю Московскому – была в их глазах делом не только престижным, но и выгодным. У московского государя имелось больше земли, чем у остальных удельных князей, и он щедро раздавал владения за службу. Таким образом, служилый слой удельных княжеств фактически подталкивал своих князей к объединению с Москвой.

Государство разработало целую систему поощрений служилого сословия: от наделения земель и денежных подарков до чинов, орденов и иных пожалований. Ведь ответственность не несет просто так, без вознаграждения за тяжкий труд. Существовала даже пословица: “За Богом – молитва, за государем – служба не пропадают”. Это значит, что дворянин ждал поощрения и надеялся на него. Однако награды раздавались не от случая к случаю и в произвольном порядке, а в строгом соответствии с законом – чтобы и получающему был почет, и другим не было обидно: выслужил, дождался своей очереди – теперь гордись и пользуйся.

С чином, а не с богатством в императорской России были сопряжены многие блага земные. В соответствии с чином человек имел право есть на серебряной или фарфоровой посуде, ездить в карете тройкой или шестерней, являться ко двору и вставать в определенный ряд приглашенных. Чин мужа определял длину шлейфа у жены. Даже блюда на званом обеде носили “по чинам”, то есть генералу доставалось существенно больше, чем коллежскому ассессору.

Благодаря системе чиновничества общество императорской России обладало высокой социальной мобильностью. Начиная с Петра I темпы ее нарастали. «Табель о рангах» теоретически позволяла продвигаться из низов до самого верха – и такие случаи бывали. Можно было выслужиться из солдат до полковничьего и даже до генеральского чина. Эта система служила для укрепления государства, позволяя наиболее толковым и амбициозным подняться. Такой подъем, правда, занимал много лет и был сопряжен с тяжелой службой. Однако «Табель о рангах» для своего времени, в условиях абсолютистского, монархического государства с жесткой сословной структурой была по-настоящему революционной.

До тех пор пока ответственный класс удовлетворен формами и темпами продвижения наверх, власти могут не волноваться. Если же возникает неудовлетворенность, ответственный класс (или его существенная часть) готов вовсе отказаться от ответственности либо поменять ее полюс. Отвернуться от монарха как олицетворения страны и провозгласить в качестве ценностей неперсонифицированные понятия: общество; государство; свобода; равенство; братство...

О том, какую колоссальную роль для поддержания ответственного класса «в форме» играет социальная мобильность, говорит пример нашего ближайшего западного соседа – Польши. Речь Посполитая проиграла конкурентную борьбу с Россией. Между тем у нее было значительно больше шансов стать империей, чем у Московского царства. В нее вошли самые экономически и культурно развитые регионы Древней Руси, отпавшие от остальных земель после монгольского нашествия. Польша знала нападения татар, но не знала ига, с ее территории не вывозились ценности в виде дани. Наконец, непосредственная близость к более развитым европейским странам помогла культурному становлению.

Одной из причин, по которым Речь Посполитая не реализовалась как великая держава, является архаичное устройство ее благородного сословия, при котором шляхта фактически не стала ответственным слоем. Всей полнотой прав и при-

вилегий обладали только представители собственно польского католического меньшинства. Если шляхтич жил в Литве, то его чины, номинально равные чинам жителей коронных земель, все-таки считались ниже польских. Если он был православным, то имел еще меньше прав. Казачья верхушка украинских земель, располагая своими привилегиями, не могла тем не менее равняться с панами. А ведь были еще и немцы-лютеране из городов Померании, и курляндское дворянство, не вписывавшееся в эту схему (последнее предпочитало служить в России, где получало равные с русскими офицерские чины. Удивительно ли, что в конечном счете немецкое дворянство фактически «втянуло» Курляндию в состав России?).

При наличии шляхетского представительства – сеймов и сеймиков отдельных земель – рядовой шляхтич не мог достичь высот управления страной. Не существовало «социальных лифтов», способных поднять его на верхние этажи государственного здания. Там восседали магнаты, игнорировавшие сеймовый «крик» снизу. Повлиять на судьбу отечества шляхта подчас могла,

только устроив конфедерацию и развязав военные действия внутри страны.

Наша система, позаимствованная у монголов, заметно отличалась от польской. Татарские царевичи, мурзы других кочевых народов, казачья старшина, остзейские бароны, грузинские князья – все на равных правах вошли в служилый класс, закрепили свое положение браками, обрусьи и в конечном счете приняли свою долю ответственности. Эта схема оказалась живучей. Когда мы говорим о разделах Польши, нужно понимать, что не просто Речь Посполитая проиграла Российской империи, а более мобильный, энергичный, расширяющийся ответственный класс съел менее живучий, дезорганизованный, дробный слой, в котором круг ответственных персон постоянно сужался.

При этом русское дворянство, в отличие от польского, не имело своего представительства в виде “сеймовой демократии”. Оно могло только слушать, но не высказывать солидарного мнения. Но при этом существовали социальные “лифты”, помогавшие дворянину средней руки путем службы попасть к кормилу власти. На определенном этапе наличие таких “лифтов” представлялось дворянству более важным, чем представительство.

Постепенно в сознании дворянства происходит разделение ответственности перед страной и перед государем. Чем образованнее становилось благородное сословие, чем больше впитывало европейские просветительские идеи и масонский эзотеризм, тем чаще у его представителей возникала мысль, что интересы отечества могут расходиться с интересами верховного носителя власти, что нарождающееся в России общество может вступать в конфликт с государством. Это уже отчетливо понимали, например, Н.И. Новиков и нарождавшаяся дворянская интеллигенция его времени. Возникла необычная для предшествующего периода потребность понудить государя отвечать не только перед Богом, но и перед подданными. (Пока под подданными

подразумевались, конечно, дворяне – представители единственного образованного сословия).

Мысль совершенно новая. Крамольная. Ставившая все прежние представления о мире с ног на голову. Прежде была простая вертикаль: подданные отвечают перед монархом, монарх – перед Всевышним. Ломка такой схемы воспринималась крайне болезненно. Например, после венчания на царство Бориса Годунова новый царь в церкви обратился к присутствующим с кратким словом – с чем-то вроде присяги, обещая править справедливо. Его речь произвела на слушателей впечатление, совершенно обратное тому, которое ожидаем мы с вами. Поступок царя посчитали кощунством: уже совершен обряд миропомазания, остальное излишне, и без торжественных слов всем все ясно. И вдруг помазанник Божий пытается принять какие-то обязательства не перед Господом, а перед толпой. Мир перевернулся! Это сочли предзнаменованием несчастий для Русской земли, каковые и не замедлили явиться в виде Смуты.

А через полтора-два века дворянство само созреет до того, что с императора надо спрашивать, по крайней мере, понуждать его отвечать на вопросы, не всегда приятные. Екатерина II умела работать с дворянской оппозицией, встраивая ее в общую систему государственного управления. Новиков, Радищев, Княжнин – это ведь крайние примеры. Настоящие вожди оппозиционных придворных партий либерального толка занимали высокие должности, возглавляя коллегии, заседа в Совете. Н.И. и П.И. Панины, А.Р. и С.Р. Воронцовы, П.В. Завадовский, Д.И. Фонвизин играли важную роль в тогдашней политической жизни. Диалог между верховным носителем власти и теми, в ком проснулось желание говорить, существовал, хоть и не без издержек с обеих сторон. Порой задавались неудобные вопросы. Порой на них получали не ответы, а окрики.

У любой оппозиции имеются конструктивно настроенные представители, готовые на определенных условиях сотрудничать с властью, вопло-

...Возникла необычная для предшествующего периода потребность понудить государя отвечать не только перед Богом, но и перед подданными. Мысль совершенно новая. Крамольная. Ставившая все прежние представления о мире с ног на голову

щая в жизнь свои идеалы и при этом не разрушая системы. Но есть и крайние проявления оппозиционности. “Путешествие из Петербурга в Москву” – это не только рассказ о бедственном положении крестьянства, но и призыв к убийству дворян и свержению власти путем народного восстания. Такая книга была бы запрещена при любом режиме, тем более во время военных действий (шла вторая русско-турецкая война, а одновременно с ней шведская). Сам автор был искренне удивлен своим арестом и утверждал на следствии, что его единственной целью “было показать знакомым”, как он “бойко писать умеет”. Вполне возможно, что в мирное время текст “Путешествия...” не вызвал бы такой бурной реакции. Сам Радищев считал, что лет десять назад его ждала бы награда за такие строки. Что позволяло “первому русскому революционеру” питать подобные надежды? Вполне спокойное сотрудничество власти с оппозиционерами более умеренного толка, например с покровителем Радищева А.Р. Воронцовым, поклонником английского либерализма. Сам автор “Путешествия...” – крупный чиновник таможенного ведомства, не обойденный и наградами, – имел все шансы служить дальше и в повседневной работе воплощать высокие идеалы. Но он пошел на крайний поступок – публикацию крамольной книги. И за это пострадал.

Однако арест “якобински” настроенного писателя не нарушил диалога власти с оппозицией, вернее, с ее отдельными представителями, так как широкая оппозиция в это время еще не сложилась. А вот при Павле I старая система была сломана. Император, человек одаренный, но своевольный, не хотел ни перед кем отчитываться. В науке принято называть этот период нашей истории временем формирования полицейского государства. Режим четырех лет павловского царствования, несмотря на все рыцарственные, благородные порывы императора, очень походил на террор. Специалистами подсчитано, что *ежедневно подвергалось порядку трех сотен человек*. Причем аресты касались главным образом армейских и гвардейских офицеров, чиновников столичного аппарата и придворных. Какой уж тут диалог с государем и открытая оппозиция?

Трагическая развязка была неизбежна.

РАЗГОВОР С ГЛУХИМ (попытка смены ответственного класса)

Как уже отмечалось, самые сложные и драматичные изменения в положении ответственного класса произошли в XVIII веке. К концу царствования Павла I противоречия между государем и верхушкой ответственного класса зашли в такой тупик, что разрешить их можно было только с применением силы.

Ситуация еще более осложнилась при сыне Павла – Александре I. Один из самых талантливых русских монархов, человек, без сомнения, представлявший перспективы развития страны и те препятствия, которые на пути этого развития стоят, он видел дальше современных ему оппозиционеров и по своей информированности значительно превосходил их. Его диалог с дворянством трагическим образом не состоялся не потому, что Александр не позволял говорить с собой, а потому что *не слышал*, был глух к собеседникам. Исключительно любезен, мягок – но не восприимчив к чужим суждениям.

У Александра были свои планы реформ, которыми он делился с очень узким кругом людей. И чем более глухой стеной государь отгораживался от ответственного класса, тем тревожнее чувствовало себя дворянство. Возникало желание, чтобы император если не отчитался, то хотя бы пояснил свои действия. Частые визиты к Александру Н.М. Карамзина имели целью донести до государя глас обеспокоенных подданных. Он спрашивал, почему Польше была дарована Конституция, а России – нет. Спрашивал, какие территории государь намерен выделить опять же Польше. Задавал вопросы о военных поселениях... Но ответы получены не были. Потребность говорить с государем постоянно присутствует в дворянском обществе первой четверти XIX века. Кстати, Александр не был труднодоступен – его можно было встретить хотя бы на улице, когда он совершал ежедневную прогулку по набережной, так называемый “царский круг”. Можно было подойти к нему и побеседовать – многие просители именно так решали свои дела.

Но дворянство уже хотело большего. Если достучаться до разума государя нет возможности, то нельзя ли создать некий орган – пусть

совещательный, – который бы донес до верховной власти чаяния с мест? Нельзя ли совокупными усилиями надавить на царя и заставить его все-таки объяснять свои решения? Получалось, что во второй половине александровского царствования, после наполеоновских войн, русское дворянство оказалось в некоей растерянности, не понимало, что происходит, но чувствовало, что ответственность утекает сквозь его пальцы.

Это был один из самых опасных моментов в русской истории – время первого социального эксперимента, который пережила наша страна. Александр Павлович действительно был привержен реформам и хотел освобождения крестьян. Однако был убежден, что ему не на кого опереться в этом трудном деле. Дворян как возможную опору он не рассматривал. Вспомним его знаменитые слова: “Некем взять”, – сказанные генералу И.В. Васильчикову в ответ на адрес, подписанный более чем сотней лучших фамилий, с просьбой освободить хлебопашцев Петербургской губернии. Таким образом, император выразил недоверие своему ответственному классу. Он боялся дворянской инициативы, возможно, памятуя об участии Павла I. Словом, государя не устраивал тот ответственный класс, который существовал в России. Реформ с его помощью было не осуществить, ибо они затрагивали экономические основы жизни дворянского сословия.

Но как обойтись без самого образованного класса, который пронизывал собой армию и государственный аппарат, занимая все командные должности? Требовался новый ответственный слой, не связанный с дворянством и не имевший его привилегий. Сам собой он не зарождался. Решено было выращивать его искусственно, как гомункулуса в пробирке. С 1816 года начинают постепенно создаваться военные поселения. По официальной версии – для того чтобы армия поглощала меньше денег и как бы сама себя содержала, занимаясь хлебопашеством. На деле поселения потребовали колоссальных затрат. Мало кто знает, что они представляли собой не просто армейский механизм, сращенный с хозяйственным. Дети в поселениях получали очень приличное образование. Поселенные полки стали кузницей офицерских кадров, которые государь

стремился переводить в армию и гвардию, заменяя ими романтически настроенных дворянских разгильдяев, склонных к военным заговорам.

Иными словами, в поселениях формировался новый слой офицерства и администрации, на который император намеревался опереться. Эти люди были хорошо вымуштрованы и не задавали лишних вопросов. Как и большинство социальных экспериментов, эксперимент с поселениями остался незавершенным. Реальность оказалась грубее и страшнее, чем представлял император. Жить в аракчеевском раю было выше человеческих сил, по числу самоубийств поселения лидировали на фоне остальной страны. Да и положиться на кантонистов (так стали называть поселенцев) не было никакой возможности – доведенные до отчаяния, склонные к бунтам и проявлениям жестокости, плохо накормленные, но с оружием в руках они, вместо нового фундамента государственной ответственности, представляли собой постоянную угрозу порядку в стране.

Позднее Николай I, хоть и не отказался от поселений, простодушно считая, что они экономят средства на армию, но значительно смягчил режим жизни в них. И уж конечно, ни о каком ответственном гомункулусе не помышлял.

Новый император попытался худо-бедно наладить взаимоотношения с дворянством, что, надо сказать, после восстания 14 декабря 1825 года сделать было непросто. Произошел раскол внутри самого ответственного класса. Значительная его часть была напугана возможностью революционных потрясений и не приветствовала любые реформы. Другая, значительно меньшая по составу, но и более активная, уже сформулировала потребность получить некий представительский орган и “коренной закон”, то есть конституцию с набором зафиксированных в ней прав.

Мы привыкли воспринимать николаевскую эпоху как время упущенных возможностей. Это не вполне справедливо. Только сейчас постепенно происходит осознание исследователями сделанного за время этого царствования. За смутами начала правления последовали более четверти века стабильного развития без крупных потрясений. Такая передышка была необходима стране, хозяйство которой с конца XVIII века ра-

ботало на мобилизацию. То наполеоновские войны; то необходимость поддержания равновесия сил в Европе и как следствие – увеличение армии; то собственные эксперименты вроде поселений... К концу первой четверти XIX века Россия фактически была разорена.

Первые семь лет нового царствования тоже не внушали радужных надежд на стабильность. Русско-турецкая война 1828–1829 годов была хоть и победоносной, но тяжелой. В 1830 году происходит восстание в Польше. Холерные эпидемии, захватившие всю Восточную Европу, и в России откликнулись массовыми холерными бунтами, в ходе которых на местах убивали представителей администрации и врачей. Мятежи, спровоцированные той же эпидемией, происходили и в военных поселениях, хотя причины недовольства были куда глубже. Только к 1832–1833 годам ситуация начала понемногу выправляться.

В конце 30-х годов под руководством министра финансов Е.Ф. Канкрин проходит финансовая реформа – самая успешная в истории России. Рубль на два десятилетия становится одной из наиболее стабильных валют. Оживляется экономика, что можно заметить хотя бы по расширению государственного и частного строительства. Возобновляются многие промыслы (в предшествующий период промысловые села центрального региона дошли почти до полного разорения). Увеличивается число общероссийских ярмарок, растет их товарооборот. Но главный процесс идет в сфере помещичьего и крестьянского хозяйства.

“И ВОЛКИ СЫТЫ, И ОВЦЫ ЦЕЛЫ”? (попытка сохранить ответственный класс, лишив его имущества)

Неверно представлять себе отмену крепостного права как одномоментный акт, осуществленный в 1861 году. В реальности это был длительный и поэтапный процесс. В 1826 году вышел указ, запрещающий использовать для наказания крестьян “железные вещи”, то есть цепи, колодки, ро-

гатки и т. д. В 1827 году была прекращена практика приписки крестьян к заводам. Через год было существенно ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. В 1833 году хозяевам законодательно запретили продавать крестьян в розницу, то есть без семей, а также дарить или отдавать за долги.

Император считал невозможным освобождение крестьян без земли, ибо это только порождало нищету. С середины 30-х годов XIX века начинается выкуп частновладельческих крестьян с землей на средства казны и перевод их в ка-

тегорию государственных. Благодаря этому численность крепостных удалось снизить с половины до трети от всего числа крестьян в стране.

Принимая делегацию смоленских дворян, государь прямо сказал им: “Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой”.

О том, что император сознавал трудность и длительность работы по освобождению крестьян, свидетельствуют его слова в разговоре с ближайшим сподвижником в крестьянском вопросе П.Д. Киселевым: “В 1834 году... Николай Павлович при вечернем разговоре изволил мне сказать, что, занимаясь подготовлением труднейших дел, которые могут пасть на наследника, он признает необходимым преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении более оставаться не может... «Помогай мне в деле, которое я почитаю должным передать сыну с возможным облегчением при исполнении»”.

В 1835 году император создал тайный комитет по крестьянскому вопросу, наметивший общий порядок отмены крепостного права. Тогда же V Отделение императорской канцелярии во главе с П.Д. Киселевым занялось реформой, призванной решить проблему возросшего числа государственных крестьян. В 1837 году казенные хлебопашцы получили личную свободу (их уже нельзя было ни продать для казенных нужд,

Мы привыкли воспринимать николаевскую эпоху как время упущенных возможностей. Это не вполне справедливо. Только сейчас происходит осознание сделанного за время этого царствования

ни пожаловать в качестве награды), существенно расширилась система их самоуправления, снизились налоги, в селах создавались школы и медицинские учреждения. Последние требовали денег, так же как содержание выборных и вводимое кредитование, чем крестьяне оказались недовольны. Это привело к волнениям начала 40-х годов. Однако правительство продолжило намеченный курс. В 1847–1848 годах крепостным разрешили участвовать в сделках по продаже и покупке недвижимости как юридическим лицам (ранее они приобретали земли или предприятия на имя помещика). При банкротстве имения они получали свободу.

В 1845–1846 годах система наказаний крестьян переходит в ведение правительства, что существенно снизило личный произвол барина по отношению к холопу.

Мы так подробно остановились на мероприятиях второй четверти XIX века именно потому, что старая советская историография рассказывала о них мало и неохотно, в настоящий момент эта тенденция только-только начинает переламываться.

Но коль скоро мы говорим об ответственном классе, то сосредоточимся на том, что в это время происходило с дворянством. А здесь наблюдалось любопытнейшее явление – основная национальная элита менялась на запасную. Благородное сословие Российской империи включало в себя представителей разных национальных групп, таким образом возникали и формировались как бы запасные команды, которые могли и, вероятно, хотели заменить игроков главного состава.

Так, в России с начала XVIII века запасной элитой стали немцы. Во-первых, они не были связаны ни с какой национальной территорией в составе империи, как, скажем, поляки или грузины. Во-вторых, отличались высоким уровнем образования, исполнительностью и склонностью к службе как таковой. В-третьих, немцы быстро русели. Вопреки негативному стереотипу советских времен, они не представляли собой замкнутый круг, некое иностранное лобби, они служили вместе с русскими дворянами на тех же условиях и не испытывали карьерных ущемлений. Но в тот момент, когда в армии и государственном аппарате освободи-

лись определенные ниши, немцы их заняли. Именно такая ситуация сложилась после декабристского восстания. Часть горячих голов поехали в Сибирь, часть – на Кавказ, а еще больше народу, не принимавшего ни в чем участия, оказалось выбитым из колеи, деморализованным случившимся. Русский ответственный класс некоторое время пребывал в шоке. И ляжку государственного управления потянули немцы. Надо отдать им должное, они не старались вытеснить или уничтожить автохтонную элиту и тем самым закрепиться в положении единоличных господ.

Постепенно русское дворянство пришло в себя и вернуло утраченные позиции. Но срок его жизни как ответственного класса был уже недолог – до начала Великих реформ Александра II. Да и внутреннее состояние этого слоя серьезно изменилось. Само общество в силу образования и революционных идей, приходящих из Европы (революции 1830 и 1848 гг.), уже не удовлетворяется простым диалогом с государем. Понятие “образованный слой” больше не является синонимом одного дворянства. Появляется “крапивное семя”, знаменитый разночинец, который тоже жаждет реализации, в том числе и политической, но ни о какой наследственной ответственности слыхом не слыхал. Идея создания новых печатных органов, все более и более оппозиционных, витает в воздухе. Потребность в немедленном, возможно, насильственном изменении самого строя жизни будоражит умы.

В таких условиях традиционное дворянство постепенно деморализуется. С одной стороны, в силу полученного образования и приобретенных взглядов оно не может не желать перемен. С другой – понимает, что эти перемены станут для него роковыми, ибо подорвут основы жизни. Подобное двойственное мироощущение передается в тысячах писем, дневников и мемуаров тогдашних представителей благородного сословия. Морально дворянство приходит к своему краху еще раньше, чем его настигнет крах политический.

Здесь уместно будет вспомнить знаменитое право не служить. Далеко не сразу после его получения в 1761 г. дворяне ринулись в отставку и принялись вкушать радости частной жизни в поместьях. Еще лет 70–80 лет служба не теряла

своего престижа и мыслилась как единственная достойная стезя для большинства дворянских отпрысков. Но сама возможность отказаться от ответственности появилась. И с каждым годом ширилось число людей, ею воспользовавшихся. В первой четверти XIX в. нет-нет да и мелькали люди, вовсе нигде никогда не служившие. Вроде Чацкого. Тогда они были диковинками, опасными оригиналами. А к 50-м гг. стали обыденным явлением. И вот тут грянула крестьянская реформа. Что до известной степени было закономерно, ведь правом владеть землями, населенными людьми, дворянство наделялось именно за службу. Нет службы, нет и крепостных.

1861 год – это рубеж, когда у благородного сословия забрали то, что прежде было дано за службу. С этого момента дворянин не просто стал по-настоящему свободен – от забот и от ответственности – он как бы вовсе перестал существовать. В социальном смысле слова. Многие современники воспринимали Великую реформу как великое надувательство. И как великое зло. Даже радость от освобождения крестьянства не затмевала собой страшного разорения страны. Вспомним Некрасова: “Порвалась цепь великая, Порвалась-раскочилась: Одним концом по барину, Другим по мужику!”

Отношение власти ко всему происходящему было достаточно циничным.

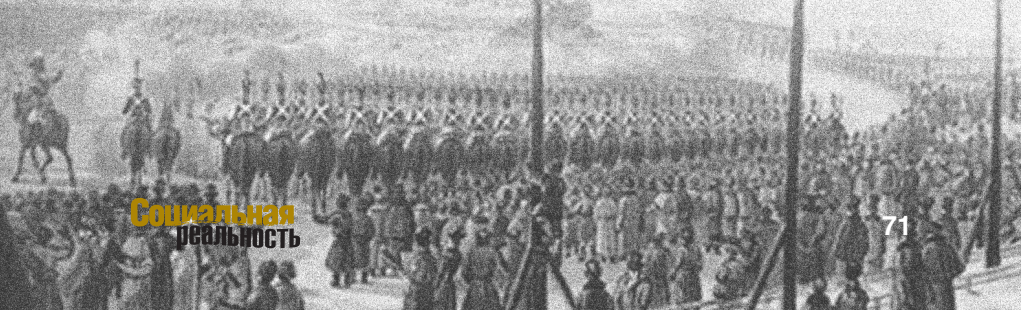
Когда брату Александра II Константину Николаевичу кто-то заикнулся: “А как же дворянство?” – он с досадой крикнул: “Плевать на дворянство!” Но плевать было и на крестьянство. Оказалось, что в 60-х гг. XIX в. правительству вдруг не нужен ни прежний ответственный класс, ни те, за кого этот класс отвечал.

В массе дворянство почувствовало себя брошенным. Перед ним больше никто не нес ответственности, и оно не желало этой ответственности нести. Государству остро требовался новый ответственный слой на замену. Какое-то время либеральное чиновничество, которое поддерживало реформы 60-х годов, играло роль такого слоя. Но в сущности новый класс не успел сформироваться.

Он мог начать постепенно складываться, включая в себя образованных людей разного социального происхождения. Однако его формирование было серьезно задержано тогдашней системой образования и либерального мышления в целом. За предшествующие царствования сложилось представление о том, что просвещенный, интеллигентный человек должен всегда противостоять власти. Не отвечать с ней вместе за что-то, а противиться всякому ее действию.

Такое мировоззрение возникло не случайно, и винить в конфликте государства и общества только одну из сторон наивно. Едва-едва намечавшийся диалог многократно нарушался с обеих полюсов. Основная масса населения – неграмотная и темная – вовсе не была готова к широким политическим правам. Боясь вызвать социальные потрясения, власть отказывалась от реализации “конституционных мечтаний”. Между тем образованная часть общества уже обладала развитыми политическими нуждами. Выборы, представительство, парламент, свобода высказывать свое мнение в прессе стали насущными потребностями у всего оппозиционного спектра – от крайне левых до умеренных либералов. Об их удовлетворении, казалось, вовсе не заботились сверху.

Вспоминается одна из карикатур 1905 г. Бомбист бежит за каретой, угрожая некому высокопоставленному лицу, и кричит: “Дай, дай, реформу! А то я брошу бомбу!” Рядом другая картинка. Тот же бомбист, тот же министр и профессор-либерал, который кричит: “Дай, дай реформу! А то он бросит бомбу!” Беда предреволюционной России состояла в том, что все образованное

общество стало синонимом оппозиции. Многие жаждали реформ любой ценой. В том числе ценой бомб и социальных потрясений. Государству не на кого становилось опереться.

Преодоление создавшейся конфронтации создало бы новый ответственный класс. Но этого не произошло до самой революции. Понадобились колоссальные потрясения для того, чтобы образованные слои общества начали задумываться о степени своей ответственности за произнесенное слово. А ведь именно слово на протяжении долгого времени было их единственным оружием и достоянием.

ДВА МЛАДЕНЦА В ОДНОЙ КОЛЫБЕЛИ (конец империи и судьба ответственного класса)

В конце XIX – начале XX века перед русским обществом встала острейшая проблема поиска нового ответственного класса. Как мы уже сказали, после реформы 1861 года дворянство утратило не только представление о легитимности государственной власти, которая его фактически обобрала, но и потеряло желание хоть за что-то в стране отвечать. Во многом трагедия революции 1917 года заключается в отсутствии настоящего ответственных слоев общества, которые могли бы обуздать нараставший хаос. Старый ответственный класс уже перестал существовать, а новый еще не оформился – ведь на формирование подобной социальной группы нужны десятилетия, порой столетия. Их у тогдашней России не было. Как нет и у нынешней.

Могла произойти сознательная мобилизация здоровых сил общества. Но она не произошла по множеству причин, рассмотрение которых – совсем другая тема.

Гражданскую войну можно в значительной степени интерпретировать как борьбу внутри формирующегося ответственного класса за пути развития, за формы, при помощи которых реализовывалась искомая “ответственность”. Только в советских учебниках дворянство, буржуазия и помещики воюют против рабочих и крестьян – на деле схватка шла внутри расколовшихся социальных слоев. Ответственная часть крестьянства, казачества, офицерства сражалась на стороне белых. Однако им находилась не менее ответвен-

ная альтернатива на стороне красных. Было и красное казачество, конные армии состояли из казачьих корпусов, огромное количество офицеров служили военспецами в Красной армии...

К несчастью, в этот исторический момент нарождающийся ответственный класс не вырабатал *собственной* идеологии. И та, и другая стороны стояли за модернизацию страны. Вопрос состоял только в том, каким образом и на базе чего. Старые монархические идеи не вызывали симпатии у образованной части общества, либеральные рассматривались как обман широких слоев. За социалистические идеи ухватились, потому что они уже были достаточно популярны в Европе и России – “раскручены”, как бы мы сейчас сказали, – и на первый взгляд, отвечали интересам большинства. Это обстоятельство подтолкнуло наверх большевиков.

Когда же большевики укрепились у власти, им пришлось решать задачу уничтожения нарождавшегося ответственного класса. Его осколки достались “новому миру” от “старого режима”. Какое-то время они могли пребывать в деморализации, но постепенно пришли бы в себя и предъявили права на “ответственность” (читай на руководство). Такое развитие событий могло вызвать новую гражданскую войну. Отсюда массовые репрессии бывшего офицерства в 20–30-е годы, борьба со старой бюрократией и чиновниками, процессы против “спецов”. Порой кажется, что травля этих вполне полезных новой власти людей необъяснима с рациональной точки зрения. Однако их уничтожали за тот гипотетический авторитет, который они могли приобрести в обществе. Кстати, реализация ответственности этих слоев могла быть осуществлена через профессиональные союзы – отсюда и разгром последних.

Наконец, борьба с крестьянством. Фактически крестьянство выиграло в гражданской войне, получив безвозмездно землю, отнятую у помещиков. Этот класс укрепил свои экономические позиции, за чем должно было последовать укрепление политическое. В недрах крестьянства также мог быть выпестован новый ответственный класс, вернее, его значительная часть. Которая, соединив усилия с профессиональными

союзами в городе, стала бы реальной альтернативой власти большевиков.

Не случайно в течение 20-х годов так часто возникала идея крестьянской партии. Она оказалась весьма популярной и внутри страны, и среди эмигрантов. Большевики чувствовали возможность подобного развития событий (они всегда были сильны инстинктивным ощущением опасности). Поэтому среди многих причин, которые привели к коллективизации, была и необходимость выкорчевать слабые ростки оппозиционной “ответственности” крестьянства.

Придя в советы, представители нового слоя могли совершенно изменить их лицо. Заметим, что “советская” идеология первоначально отличалась от “большевистской”. Поэтому перед большевиками всегда стояла проблема жесткого контроля над советами как органами управления. Их сильно напугала ситуация 1921 года, когда был выброшен лозунг “За советы без коммунистов”. Ведь советы в идеале – это система непосредственного представительства всех слоев общества. Создание подобного органа казалось вполне адекватным ответом на вызов времени, еще одним путем модернизации России.

Чтобы удержать нити управления, большевикам пришлось в зародыше уничтожить “советскую власть” как форму представительства разных общественных слоев. Вывеска сохранилась, но произошла подмена понятий. Большевикам удалось не только сохранить контроль над страной, они сумели предложить свой путь создания ответственного класса. Это была реализованная идея расширенной большевистской партии, которая включила бы в себя “лучших представителей” трудовых слоев населения. Подчеркнем, что возникший таким путем ответственный слой был создан искусственно, в виде социального эксперимента. На свет появился очередной гомункулус. Только в отличие от александровских военных поселенцев ему предстояла более яркая историческая судьба. Что ж, с каждым веком доктор Фауст оттачивает свое мастерство...

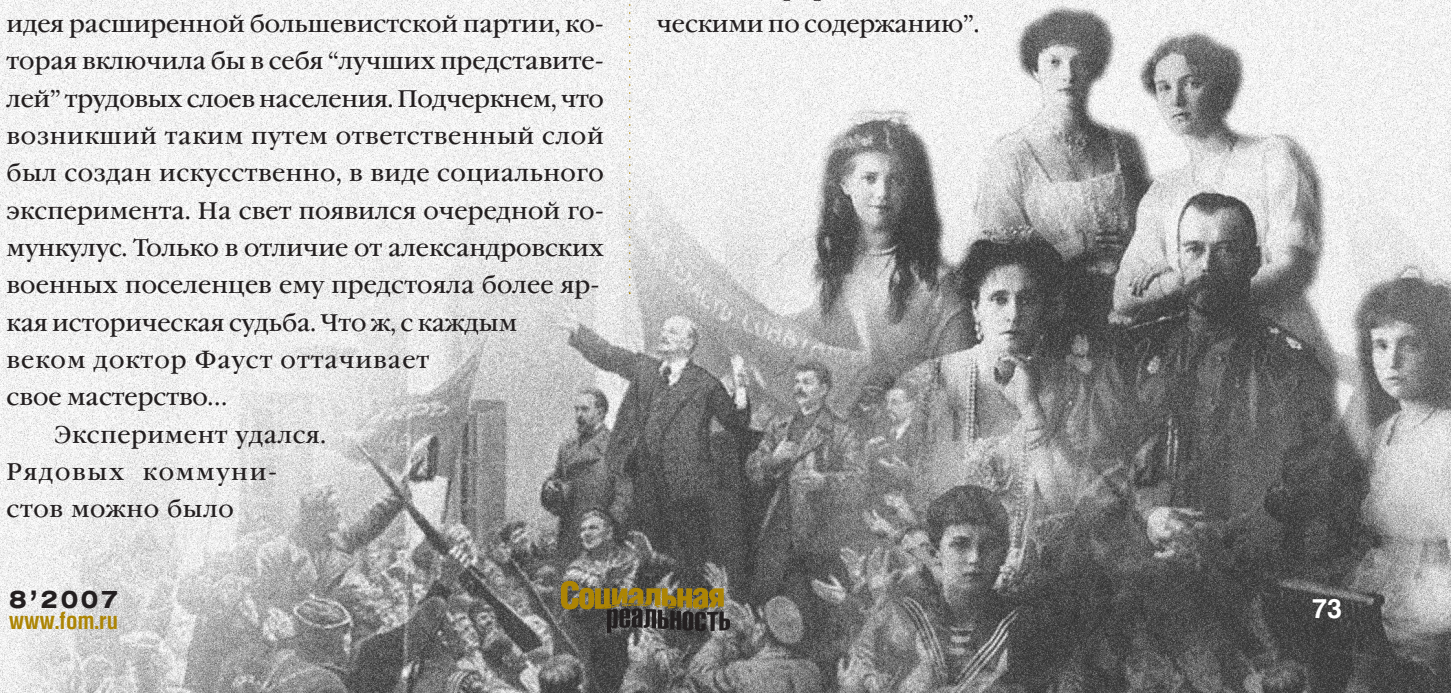
Эксперимент удался.
Рядовых коммунистов можно было

посылать на коллективизацию, на прокладку дорог через непроходимые места, на стройки века, в бой. И везде они принимали на себя основную тяжесть ответственности за происходящее.

Тем не менее, созданный таким образом ответственный класс оставался во многом чуждой основной массе населения, которую обирали, заставляли работать за гроши и легко расходовали в войнах.

Хуже того, он оказался чужд традиционной для русской культуры схеме развития ответственности: возникновение личной преданности государю, затем преданности России, персонафицируемой носителем верховной власти, потом осознание страны как общего дела всех ее жителей. Этой дорогой ответственный класс в нашем государстве прошел два раза. Что же мешало созданной большевиками новой элите пройти его в третий раз? Вроде бы культ личности сильно смахивал на первую ступень приведенной “лестницы”.

Однако на второй и третьей ступеньках предстояло споткнуться. Дело в том, что коммунистическая идея и идея мировой революции как ее составная часть никак не предполагает перехода от преданности вождю к преданности стране. Советский патриотизм поддерживался властью постольку, поскольку он был “советским” и аккумулировал в себе коммунистические принципы. Целостность земли, любовь к своему народу тут лишние. Даже произведения искусства должны были быть “национальными по форме, социалистическими по содержанию”.

Одна из трагедий Советского Союза состояла в попытке совместить две несовместимые схемы: преданность идее (в данном случае коммунистической) и преданность земле. В Германии, например, эти схемы легко совместились в рамках небольшого компактного национального государства. И сама нацистская идея оказалась приемлемой для большинства немецкого народа. В СССР же идея преданности чему-либо постоянно двоилась, и народ постепенно переставал понимать, за что следует отвечать: за состояние своей страны или за распространение “социалистического опыта” по всему миру. Тем более что опыт этот не вдохновлял нас самих.

Даже партийный слой переставал понимать, чему должен служить. Возникла эрозия преданности, партия начинала превращаться не в ответственный слой, а в замкнутую привилегированную касту. Социальная мобильность, вместо того чтобы расти, постепенно падала, социальные лифты останавливались. Уменьшение же социальной мобильности – признак кризиса в обществе.

Советское общество было гораздо сложнее, чем его принято представлять. В своем развитии оно пробежало целый ряд предшествующих фазисов русской цивилизации. В период 70–80-х годов XX века у нас существовал один реальный ответственный класс, который вырос, хоть и несколько видоизменившись, из коммунистического “ордена меченосцев” сталинских времен. Параллельно с ним стала возвращаться тенденция к созданию большого ответственного класса. И, возможно, существовали зародыши альтернативного, будущего ответственного класса, которые стремились к созданию и реализации проекта грядущего развития России.

Ведь в своем нормальном состоянии ответственный класс работает и на сохранение статус-кво, и на реформы. Это только на первый взгляд кажется парадоксом. Обладая набором социальных гарантий и достойным имущественным обеспечением, ответственный слой заинтересован в поддержании спокойного (без внутренних смут и потрясений) развития страны. Чувствуя угрозу своему благополучию в деструктивных ситуациях, которые могут складываться как в экономике, так и в политике, наиболее дальновид-

ные представители элиты подталкивают общество к реформам. Заметим, что речь идет именно о реформах, т.е. об эволюционном пути развития. А не о социальных взрывах, когда происходит разрушение прежде накопленных богатств и разорение массы населения. В этом смысле реформы служат купрочению сложившегося статус-кво.

В СССР существовали отдельные группы в образованных слоях, которые понимали необходимость трансформации общества. Классом они, конечно, не являлись – скорее, это были мозговые центры. В открытом для социальных дискуссий обществе эти диссидентские идеи могли оказаться востребованы, инкорпорированы и направлены в безопасное русло. Так бывает: в Соединенных Штатах, скажем, есть механизмы, при помощи которых разрушительные, но перспективные идеи изучаются в разных стратегических центрах и институтах, разрушительное отбрасывается, а полезное вводится в практику.

Что касается Советского Союза, то из-за замкнутости отдельных его социальных групп, с одной стороны, и из-за отсутствия свободного обмена идеями – с другой, не происходило взаимодействия правящей элиты ни с формирующимся снизу новым ответственным слоем, ни с оппозиционной интеллигенцией как его наиболее заметной частью. Проще говоря, высшая коммунистическая каста не желала распределять ответственность и связанные с нею блага. Ей не хотелось превращаться пусть в верхнюю, но все же часть большого ответственного класса. Советский Союз погубило отсутствие социальной динамики.

Что же происходит в нашем обществе сегодня? Существует ли сейчас группа (или группы), которая с полным основанием могла бы считаться ответственным классом? Насколько она совпадает с властной элитой или с имеющейся или потенциальной оппозицией власти? Существуют ли сейчас “отдельные мозговые центры”, как в СССР? Все эти вопросы имеют прямой практический смысл.

Если ответственный класс есть, то хорошо бы понимать, каков он и за что отвечает. Если же его нет... то хорошо бы, по крайней мере, понимать, из кого он может быть создан – после неизбежного для такой ситуации кризиса. ■